

Максим Неверов

Рэйк

<https://litres.ru/74146587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дикий Димас — король эпатажа, блогер-миллионник, который зарабатывает на страхе. Ради хайпа он готов на всё: забраться в заброшку, переночевать на кладбище, вызвать «демона» на камеру. Но настоящий контент находит его сам.

Группа из пяти блогеров отправляется в экспедицию в Богом забытую деревню, которая исчезла с карт двадцать лет назад. Их цель — снять самый страшный выпуск в истории YouTube. Они берут с собой 24 камеры, тепловизоры, дроны и спутниковую связь. Они уверены, что смогут заснять всё.

Но в Кучепалде тишина — абсолютная, давящая. В домах — пустота, в лесу — следы, которых не может оставить ни одно известное животное. А камеры фиксируют то, чего не видят глаза.

Сначала герои думают, что охотятся за сенсацией. Потом понимают, что сенсация охотится за ними.

Содержание

Глава 1. Эфир	4
Глава 2. Сборка	19
Глава 3. База	34
Глава 4. Лес.Ночь.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рэйк

Глава 1. Эфир

В панорамных окнах элитной высотки на «Золотых Ключах» занимался рассвет. Где-то внизу, в двадцати семи этажах под ним, город только начинал свое утреннее урчание: мусоровозы, редкие такси, бессонные курьеры. Но здесь, в пентхаусе с отдельным лифтом, была абсолютная тишина.

Дима спал на спине, раскинув руки. Он открыл глаза после того как в 6:00 прозвенел будильник. Первое, что он увидел, — объектив GoPro на тумбочке. Красный огонёк записи горел уже три минуты. Вторая камера, закрепленная на кронштейне в углу, смотрела на кровать широкоугольным, немигающим взглядом. Дима приучил себя не вздрагивать от камер. Камеры — это хлеб. Камеры — это деньги. Камеры — это та самая тонкая пленка между «Диким Димасом» и Димой из Челябинска, которую он никогда не позволял себе порвать.

Он потер лицо ладонями.

— Пять секунд до эфира, мальчики и девочки, — прошептал он в пол-голоса, хрипло, как после долгого молчания.

Он перевернулся на спину, уперся взглядом в белый по-

толок с точечными светильниками, и сделал глубокий вдох. Техника, которую он отработал до автоматизма, сработала мгновенно: лицо разгладилось, усталость стекла куда-то в область шеи и замерла там, затаилась. Вместо нее появилось другое выражение — то самое, за которое отстегивали до-натеры. Наглая, уверенная улыбка. Хитринка в левом глазу. Легкое презрение к миру, которое почему-то казалось зрителям обаянием.

Он щелкнул пальцами перед объективом. Подмигнул. В углу экрана (он, конечно, не видел этого, но знал наверняка) вспыхнул счетчик зрителей. Ноль. Три секунды. Тысяча двести. Восемь тысяч. Сорок семь тысяч. Цифры летели вверх с той безумной скоростью, к которой он давно привык и без которой уже не мог дышать.

Сорок семь тысяч человек смотрели, как он просыпается. И это было нормально.

Дима встал с кровати одним плавным движением. Ему двадцать девять. Камера дернулась, поймала фокус на его лице.

— Доброе утро, шизоиды! — голос звучал бодро, сочно, с той самой интонацией «своего парня», которую он тоже отработал до автоматизма. — На связи Дикий Димас. Вы меня хотели пораньше? Получите-распишитесь.

Он вышел в коридор, даже не глядя под ноги — маршрут был выучен наизусть. Шесть утра. Он в одних боксерах (фирменных, с логотипом канала). Кофе не пил. Но уже готов рвать эту реальность.

— Почему? — он остановился, повернулся к камере, сделал паузу — ровно на две секунды, чтобы в чате успели написать «ПОЧЕМУУУ?». — Потому что сегодня — день «X». Вы готовы? Вы точно не готовы.

Он прошел мимо вешалки в прихожей. Три одинаковых черных худи с логотипом «DARKLABEL» висели на плечиках — запасной вариант на случай, если первое испачкается, и третий — на случай, если испачкаются оба. Дима не носил ничего другого уже два года. Фирменный стиль. Узнаваемость. И еще — ему просто было лень выбирать.

— Три миллиона подписчиков меня спросили: «Димас, ты обещал самый страшный контент в истории, где он?» — он надел худи, поправил капюшон, вышел в коридор. — А я молчал. Я копил. Я готовил. Я выкупал снарягу, на которую ваши зарплаты полгода копили бы.

Он снова остановился. Посмотрел в камеру серьезно, даже сурово. Улыбка исчезла, как по команде.

— И сегодня — пауза. В чате замерли. — Сегодня мы выдвигаемся.

Камера сделала наезд — на самом деле это был монтаж, но в прямом эфире это выглядело как резкая смена ракурса. Операторша Лиза знала свое дело. Дима даже не заметил

момента, когда она переключила камеру — он уже шел на кухню.

Кухня-гостиная напоминала небольшой полевой штаб, но безумно дорогой армии. На столе — трекинговые рюкзаки, кейсы с оборудованием, кабели, переходники, зарядные станции, батареи всех форм и размеров. В воздухе пахло кофе. Дима взял кружку и налил кофе из термоса. Сделал глоток. Кофе был отвратительным. Он пил его уже десять лет и каждый раз удивлялся, как можно так бездарно портить зерна.

В кадр вошел Лёха. Он был коренастым, приземистым, с короткой шеей и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы держать отвертку. Он носил тактическую жилетку с бесконечным количеством карманов, из которых торчали провода, батареи, мультиметр и какая-то плата, которую никто, кроме него, не мог идентифицировать. Лёха не здоровался со зрителями. Лёха вообще редко здоровался с людьми. Он просто проверял зарядку аккумуляторов и бормотал себе под нос что-то про вольтаж.

— Это наш технарь, — сказал Дима, отпивая кофе. — Лёха. Человек, который отличает тепловизор от камеры ночного видения. Если что-то пойдет не по плану — я буду орать на него. Лёха, скажи зрителям «здрасьте».

Лёха не оторвался от мультиметра. Пошевелил губами, будто пережевывая слово, и выдавил:

— Здравсьте. Батареи брать? Взял. Всё.

Дима закатил глаза — специально для камеры, театрально, с легким вздохом.

— Харизма — ноль. Профи — сто из десяти. Ладно, дальше

В кадр вошла Лиза. Она была другой. Не такой, как обычно показывают девушек в блогерских тусовках — без яркого макияжа, без декольте, без нарочитой сексуальности. Лиза была в очках (толстая черная оправа, которые сейчас снова вошли в моду), в простом сером свитере, с кружкой чая в руках. Она держала планшет, как держат щит — перед собой, чуть наискось, закрываясь от мира. Она села на диван, подняла глаза на камеру и спокойно улыбнулась. Без кокетства. Без желания понравиться. Просто улыбнулась, потому что так надо.

— Наша операторша, монтажерша, а по совместительству — единственный человек, который знает, где лежат запасные карты памяти, — Дима говорил это с теплотой, которую не мог скрыть, даже когда старался. — Лиза, что ты там считаешь?

Лиза поднесла планшет к камере — не навязчиво, просто показала экран.

— Я смотрела погоду в районе локации, куда мы сегодня отправляемся, на ближайшие трое суток, — сказала она ров-

ным голосом, без эмоций. — В первый день — ясно, потом — дожди. И, Дима

Она сделала паузу.

— Там нет сотовой связи. Вообще. Во всей округе. Ни одной вышки.

Дима парировал мгновенно. Это была его территория — возражения, сомнения, страхи. Он умел их гасить, как пожарный умеет гасить огонь.

— А мы туда не сериалы смотреть едем, — сказал он с напором, почти агрессивно. — Мы едем — ловить контент. Связь? У нас спутник. Правда, Лёха?

Лёха молча кивнул, не поднимая головы. Кивок означал: «Спутник есть. Вопросов больше нет».

Из спальни вышел Даниил. Дэн. Высокий, подтянутый, с плечами пловца и челюстью супергероя из дешевого сериала. Он был в наушниках — огромных, студийных, которые делали его похожим на авиадиспетчера. Плюхнулся на стул, снял наушники, улыбнулся.

— Дэн, — сказал Дима. — Наш разведчик. Если надо залезть в подвал, куда нормальный человек не полезет — это к нему. Дэн, ты готов сегодня встать лицом к лицу с главным страхом интернета?

Даниил усмехнулся. Потер руки — жест, который у него

означал предвкушение, почти детское.

— Димас, если этот страх не умеет драться — я его порву. Если умеет — хотя бы будет весело.

Дима засмеялся. В чате залили сердечки и огоньки — сорок семь тысяч человек синхронно нажали кнопки.

Последним появился Егор. Он был тихим. Таким тихим, что его присутствие замечали только тогда, когда он начинал говорить. Очки с толстой черной оправой (как у Лизы, но это было совпадение), ноутбук под мышкой, походка человека, который привык передвигаться по коридорам университета, а не по съемным квартирам. Он сел в угол — не на диван, а на стул у стены — и открыл ноутбук. Три окна. Спутниковая карта, таблица с координатами, чат с каким-то форумом, который Дима не смог бы прочитать даже под дулом пистолета.

— И наш секретный джокер, — Дима понизил голос до интригующего шепота. — Егор. Он у нас отвечает за дроны и за карты. Егор, покажи народу, что ты накопал.

Егор молча развернул ноутбук к камере. На экране была спутниковая карта. Огромный массив леса — темно-зеленый, почти черный, с белыми прожилками рек. И россыпь серых пятен — остатки строений. Квадраты фундаментов. Точки, где когда-то были дома. Подписи на карте не было.

— Богом забытая деревня, — сказал Егор тихо, почти монотонно. Голос без интонаций. — Последний раз отмечена на картах Генштаба в 1998 году. С тех пор ее нет. Ни в одном реестре, ни в одном кадастре. Дороги туда нет. Ближай-

ший населенный пункт — в сорока километрах. Лесная дорога заросла в 2005-м. Из всего, что у нас есть, это только её координаты.

Он замолчал. Посмотрел на экран, потом снова на камеру. Сделал паузу — такую длинную, что в чате начали появляться вопросительные знаки.

— По слухам — Егор снова замолчал. Проглотил что-то, будто слова были твердыми. — Оттуда вышли не все, кто туда заходил.

В комнате повисла тишина. Три секунды. Четыре. Пять.

Лёха перестал крутить отвертку. Даниил перестал улыбаться. Лиза опустила планшет на колени. Даже воздух, казалось, перестал двигаться. Сорок семь тысяч человек в чате молчали. Это было почти невозможно — чат никогда не молчал. Но сейчас молчал.

Дима разорвал тишину хлопком ладоней — громким, резким, как выстрел.

— Вот это я называю — интро! — его голос звучал слишком громко после всеобщего молчания. — Вы слышали? Вы поняли, куда мы едем? Мы едем в никуда. В место, которого нет. Чтобы найти то, чего быть не может. И если мы найдем — Он посмотрел в камеру, прищурившись. Улыбка исчезла. Осталось только лицо человека, который знает, что играет с огнем, но не может остановиться. — Рейтинги YouTube взорвутся к чертовой матери.

Дима встал за стол с оборудованием — как ведущий телемагазина, как продавец на рынке, который знает, что его товар лучший. Он любил эту часть. Показать железо. Пощелкать затворами. Похвастаться.

— Давайте покажем нашим подписчикам, на что ушли их донаты, — сказал он. — Леха, подсвети, будь другом.

Лёха включил портативный софит. Свет был ярким, холодным, безжалостным — он выхватывал каждую царапину на корпусах камер, каждую пылинку на столе.

Дима взял в руки шлем. Черный, матовый, с креплениями для экшн-камеры и налобным фонарем.

— Шлем с креплением для экшн-камеры и налобным фонарем, — сказал он, поворачивая его перед камерой. — Светодиодный, 1200 люмен. Видимость в лесу — как днем. Идем дальше.

Он положил шлем, взял камеру. Сони Альфа 7S. Объектив большой, тяжелый, с толстой резиновой оправой.

— Сони Альфа 7S с объективом светосилой — он запнулся, махнул рукой. — Ну, вы не поймете. Короче, она видит в темноте лучше, чем кошка. Вот здесь

Он поставил камеру, взял тепловизор. Маленький, квадратный, с матовым экраном.

— Тепловизор FLIR. Если в лесу есть что-то живое с тем-

пературой выше, чем у ежа — мы его увидим через триста метров. Даже если оно будет прятаться за деревом.

Выложил на стол несколько маленьких черных кубиков. Они выглядели безобидно — как брелоки или зарядки для телефонов. Но Дима взял их с почтением, почти с благоговением.

— Автономные камеры наблюдения. С датчиками движения и ИК-подсветкой. Поставим по периметру — будем видеть всё, что происходит вокруг дома. Даже если сами будем спать. Или не спать — Он усмехнулся, но усмешка вышла натянутой.

Лёха впервые за весь разговор поднял голову.

— Двадцать четыре камеры суммарно, — сказал он четко, как на докладе. — Плюс дрон с тепловизором, плюс спутниковый терминал. Если мы чего-то не заснимем — значит, этого не существовало в природе.

Дима посмотрел в камеру. Торжественно, почти пафосно.

— Мы закроем этот вопрос раз и навсегда. Существует ли этот ваш Рэйк? Есть ли что-то в русской глубинке, что заставляет людей исчезать? Мы узнаем. И вы узнаете. В прямом эфире, в записи, под каждым углом, в каждом спектре.

Лиза подняла голову от планшета. Голос у нее был спокойный. Твердый. Так говорят люди, которые давно поняли,

что кричать бесполезно, но молчать — еще бесполезнее.

— Дима, ты не сказал им главного, — сказала она. — Ты не сказал, что местные вообще не ездят в этот лес. Что дорога, по которой мы поедem — это старая лесовозная ветка, и она местами висит над обрывом. И ты не сказал, что у нас нет страховки на этот выезд.

В комнате стало тихо. Не так, как после слов Егора — там была мистическая тишина, тишина ожидания. Сейчас тишина была другой. Тяжелой. Вязкой. Тишиной человека, который смотрит, как его друг заходит в горящий дом.

Даниил свистнул — коротко, сквозь зубы. Лёха замер с батареей в руке, не донеся ее до гнезда зарядного устройства. Дима не отвечал три секунды. Пять. Восемь. Он смотрел на Лизу, и в его взгляде не было злости. Было что-то другое — усталое, почти виноватое. Потом он повернулся к камере.

— Лиза права, — сказал он. Голос сел, стал ниже, без привычной бодрости. — Страховки нет. Потому что никто не боится экспедиции в места, которых не существует. Это — риск. Это — настоящий контент. Не нафталиновые «призраки в кадре», где всё подстроено за три копейки. Мы идем туда, где реально страшно.

Он обвел взглядом комнату. Посмотрел на Лёху. На Даниила. На Егора. На Лизу.

— Я не заставляю никого, — сказал он. — Каждый здесь — доброволец. Если кто-то хочет выйти из эфира — сейчас самое время.

Молчание.

Даниил усмехнулся. Лёха опустил батарею в зарядное устройство, щелкнул фиксатором. Егор закрыл ноутбук. Лиза отвела взгляд в сторону, но с дивана не встала.

Дима снова повернулся к камере. Улыбка вернулась на его лицо — но глаза остались серьезными. Слишком серьезными для человека, который только что шутил про рейтинги YouTube.

— Видите? — сказал он. — Вот она — команда. Поехали.

Парковка у дома встретила их холодным утренним ветром. Микроавтобус «Спринтер» стоял у подъезда — черный, с затемненными стеклами, с логотипом канала на дверях. Он был похож на броневик. Или на катафалк — кому как нравится.

Команда грузила оборудование. Лёха — батареи и камеры, Даниил — рюкзаки, Егор — ноутбуки и дрон в отдельном кейсе. Лиза проверяла крепления камер на крыше фургона. Дима стоял у открытой двери, делая финальную «шапку» для главы. На фоне загруженного фургона он выглядел меньше, чем в квартире. Без панорамных окон, без мягкого света, без привычной обстановки он был просто парнем в черном худи — уставшим, немного нервным, но все еще улыбающимся.

— Следующий раз, когда вы меня увидите — я буду в деревне без названия, — сказал он в камеру. — Я буду там, где карты заканчиваются, а интернет превращается в тыкву. Я не знаю, что мы найдем. Может быть, ничего. Может быть, пустые дома и ржавые гвозди. А может быть

Он замолчал. Посмотрел в сторону леса. Леса не было в кадре — только высотки, только утреннее небо, только асфальт парковки. Но взгляд его ушел куда-то далеко, за горизонт, туда, где кончается Москва и начинается что-то другое.

— Может быть, мы наконец-то получим ответ на вопрос, который задает каждый второй комментарий.

Пауза. Он смотрел прямо в объектив. Улыбка исчезла совсем — осталось только лицо. Обычное лицо человека, который боится, но не может признаться в этом даже самому себе.

— Берегите себя, — сказал он. — И если через три дня от нас не будет новостей, не ищите нас.

Улыбка вернулась — кривая, нервная, не такая, как в начале эфира.

— Шучу. Подпишись, колокольчик, выручай-покупай. Дикий Димас был с вами. Всем чмоки.

Он щелкнул пальцами перед объективом, и экран погас с характерным звуком выключения камеры — мягким щелчком, похожим на закрытие крышки ноутбука.

Финальный кадр остался за маленькой камерой на приборной панели.

Фургон отъехал от дома. На заднем плане — московские высотки, рассветное солнце, которое наконец-то пробилось сквозь облака. Внутри фургона было тесно от оборудования, но люди сидели молча, каждый в своем углу.

Лиза смотрела в окно, на удаляющийся город. В ее глазах не было страха — была какая-то тихая, спокойная грусть, как у человека, который прощается с чем-то, зная, что может не вернуться. Егор поправлял очки, раз за разом сдвигая их на переносицу — нервная привычка, которую он не мог контролировать. Дима сел за руль, надел солнцезащитные очки, включил музыку. Тяжелый индастриал — лязг металла, механический ритм, голос, похожий на помехи радиосвязи. Он всегда включал это перед выездом. Ритуал.

Лёха на заднем сиденье перебирал разъемы — проверял, перепроверял, снова проверял. Его пальцы двигались быстро, почти незаметно, как у фокусника. Даниил уже спал, натянув капюшон на лицо. Он умел засыпать в любых условиях — в самолете, в машине, даже стоя в очереди на заправке. Это было его суперспособностью.

Фургон выехал на МКАД, растворился в потоке машин. На экране — там, где еще секунду назад было лицо Димы, — появился черный экран и белый текст:

Деревня Кучепалда Архангельская область, Каргопольский муниципальный округ 1019 км от МКАД 14 часов пути

Текст горел ровно пять секунд. Потом погас.

В чате — сорок семь тысяч человек — продолжали писать. Кто-то желал удачи. Кто-то просил быть осторожнее. Кто-то уже спорил о том, настоящая ли это деревня или очередной фейк.

Никто из них не знал, что ровно через четырнадцать часов, когда фургон свернет с последней асфальтированной дороги, начнется то, что никто не планировал. Ни Дима. Ни его команда. Ни сорок семь тысяч человек по ту сторону экрана.

Глава 2. Сборка

Фургон мерно покачивался на стыках асфальта — ритмично, убаюкивающе, как колыбельная для тех, кто умеет спать в движении. Лёха не умел. Он сидел на полу заднего отсека, между двумя рядами стеллажей с оборудованием, и чувствовал себя в своей стихии. Здесь, среди кейсов, черных коаксиальных кабелей и зарядных станций, мир был понятным. Железо не врало. Железо либо работало, либо нет. С людьми было сложнее.

Над головой горела светодиодная лампа на магните — Лёха прилепил её к металлической обшивке потолка, и она отбрасывала резкие тени на его руки. Руки были грубыми, с въевшейся грязью под ногтями, с мелкими шрамами от паяльника и порезов об острые края корпусов. Руки человека, который собирает и разбирает технику вслепую, наощупь. Перед ним лежал раскрытый кейс. В кастомном пенопластовом вкладыше каждая камера покоилась в своей ячейке — как хирургические инструменты, как патроны в магазине. Лёха доставал их по очереди, проверял, протирал объективы специальной салфеткой — безворсовой, пропитанной изопропиловым спиртом — и вставлял карты памяти. Он не смотрел на камеру, закрепленную на его груди. Камера смотрела на его руки — и сорок семь тысяч человек (уже пятьде-

сят одна тысяча — счетчик рос) наблюдали за процессом с гипнотическим вниманием. Люди любят смотреть на чужие руки. Особенно когда эти руки делают то, что сами они сделать не могут.

— Альфа — две батареи, карта на 128 — бормотал Лёха себе под нос. Он не говорил для зрителей. Он говорил для самоконтроля, проговаривал вслух, чтобы не пропустить ни одного шага. — Семерка — проверка фокуса тепловизор — калибровка

Из передней части фургона доносилась музыка. Лёха терпел эту музыку, потому что Дима был боссом. Но сейчас, когда нужно было калибровать тепловизор, каждый лишний децибел был помехой.

— Дима! Сделай тише, я калибровку провожу!

Музыка стихла. Дима что-то крикнул в ответ — что-то вроде «аудитория любит драйв!» — но Лёха уже не слушал. Он снова погрузился в свое железо. Он достал компактный тепловизор — маленькую коробочку с матовым экраном, которая стояла как подержанный автомобиль. Направил на стену фургона. На дисплее загорелась тепловая картина: синий фон — холодный металл обшивки, красное пятно — работающий мотор, желтые очертания — тепло пассажиров, просачивающееся через перегородку. Лёха удовлетворенно кивнул. Калибровка в норме. Он убрал прибор, закрыл кейс, щелкнул замками. Потом выпрямился, садясь на корточки, и поднял голову к камере на груди. В объектив смотреть бы-

ло некомфортно. Лёха не привык быть перед камерой — он привык быть за ней. Но Димас попросил, а Димаса он уважал. Хотя и не показывал этого.

— Меня зовут Лёха, — сказал он в камеру. Сухо. По-деловому. Без приветствий и улыбок. — Я тут за железо отвечаю. Димас попросил объяснить, как мы будем снимать эту э экспедицию. Покажу.

Он взял камеру с нагрудного крепления — отстегнул, начал обводить оборудование. Голос его стал чуть живее, когда речь зашла о технике. Ожил, как будто внутри включили второй рубильник.

— У нас три типа камер, — говорил он за кадром, показывая объективу каждый предмет. — Первый — стационарные. Это вот эти малышки.

Он взял черный кубик размером со спичечный коробок. Алюминиевый корпус, герметичные разъемы, крошечный объектив, похожий на глаз насекомого. — Герметичные, работают от аккумулятора до шести суток в режиме ожидания. Снимают 4К с ночным режимом. Их будем ставить по периметру: на деревьях, на крышах, внутри дома. Датчик движения — тридцать метров. Если что-то пройдет мимо — мы это увидим.

Он отложил камеру. Достал другую — поменьше, но с более сложной оптикой.

— Второй тип — мобильные. Это экшн-камеры. Часть на шлемах, часть на нагрудных креплениях. Они снимают 360

градусов. То есть потом при монтаже можно выбрать любой угол. Если я побегу

Он запнулся. Поправился:

— когда я пойду осматривать местность, камера будет видеть всё вокруг. Ничего не пропадет.

Последним предметом был дрон. Черный, с четырьмя складными лопастями, с массивным корпусом, в котором угадывалась дорогая оптика. Лёха взял его бережно.

— Третий тип — воздушная разведка. Термографическая версия. У него два сенсора: обычная камера с 56-кратным зумом и тепловизор. С высоты пятидесяти метров мы видим тепловые следы любого живого существа в радиусе километра. Егор за дрона отвечает, но я его настраивал.

Лёха убрал дрон в кейс, закрыл крышку. Посмотрел в камеру. В его взгляде — сером, усталом, с мелкой сеткой морщин у глаз — мелькнуло что-то неуверенное. То, что он не позволял себе показывать при команде.

— В общем — сказал он. — Техника готова. Всё работает. Если что-то пойдет не так — это будет не из-за железа. Это я гарантирую.

Он не добавил «но что-то может пойти не так». И не сказал «человеческий фактор». Но зрители, те, кто смотрел внимательно, могли прочесть это в его лице.

Фургон ехал уже третий час. Москва осталась далеко позади — сначала многоэтажки сменились частным сектором, потом частный сектор — полями, потом поля — лесом. Лес был плотным, старым, с кронами, которые смыкались над дорогой, превращая ее в зеленый тоннель.

Дима сидел за рулем, одной рукой держась за баранку, другой — за чашку кофе, который давно остыл. Лиза расположилась на пассажирском сиденье с планшетом на коленях. Егор сидел сзади с ноутбуком. Лёха вылез из задней части, сел рядом с Егором — тесно, плечом к плечу.

— Лёх, подойди-ка, — сказал Дима, не оборачиваясь. В голосе его появилась нотка раздражения, которую он обычно прятал за улыбкой. — У тебя навигатор не глючит?

Лёха перегнулся между сиденьями, посмотрел на экран, закрепленный на лобовом стекле. Карта местности. Дорога, лес, значок их фургона. Но значок вел себя странно: то замирал, то прыгал на несколько сотен метров вперед, то начинал вращаться на месте, как собака, пытающаяся ухватить себя за хвост.

— Сигнал спутников ловит? — спросил Лёха.

— Пять спутников показывает, — ответил Дима. — Но дороги не видит. Говорит — мы едем по полю. А мы, блин, по асфальту едем.

Лёха взял навигатор в руки. Проверил антенну — на месте. Перезагрузил. Экран погас, загорелся снова. Теперь карта показывала их в трех километрах от трассы, посреди реки, которая на самом деле протекала в двадцати километрах к западу.

— Странно, — сказал Лёха, хмурясь. Он не любил странного. Странное означало непонятное, а непонятное нельзя было починить отверткой. — Может, магнитные бури? Или Он не закончил. Егор тихо сказал из-за спины:

— У меня карты тоже плывут. Спутниковая съемка в этом районе размытая. Как будто облака. Но облаков нет.

Лёха протянул руку к ноутбуку Егора. На экране был снимок местности — серое пятно, сквозь которое едва проступали очертания леса и реки. Словно кто-то размазал картинку широкой кистью, оставив только смутные, расплывчатые формы. Не артефакты сжатия. Не ошибка декодирования. Что-то другое.

— Может, старый снимок, — сказал Лёха после паузы. — Или помехи. Доедем по ориентирам. Там дальше одна дорога, никуда не свернуть.

Он вернулся на заднее сиденье. Камера на его груди продолжала работать — зрители видели, как Лёха достает свой телефон, открывает приложение карт. Там была та же картина: значок прыгал, дорога исчезала, появлялась снова. Лёха сбросил приложение, убрал телефон в карман. Не хотел, чтобы команда видела его лицо в этот момент. Лицо было

напряженным.

Через несколько часов пути Дима остановил фургон на обочине.

— Размяться, — объявил он, вылезая из-за руля. — Лёх, давай проверим связь на дальности. Поставь пару камер в лесу, посмотрим, как они передают.

Лёха кивнул. Он взял два черных кубика стационарных камер, проверил батареи — полный заряд — и отправился в лес.

Лес встретил его тишиной. Не той тишиной, которая бывает в Подмосковье, где через каждые сто метров слышен шум трассы. Здесь тишина была плотной, вязкой, как смола. Даже птицы молчали — или их не было.

Камера на груди Лёхи фиксировала каждый шаг. Хруст веток под ботинками. Капли росы, слетающие с травы. Стволы сосен, уходящие вверх, в серое небо. Он отошел от фургона метров на сто, выбрал толстую сосну с удобным сучком на высоте трех метров.

— Ставлю на высоте трех метров, — сказал он в камеру шепотом — не из-за таинственности, а потому что в такой тишине говорить громко было неестественно. — камера крепится к сучку. Смотрит на тропу. Датчик движения настроен на среднюю чувствительность — чтобы на птиц не

срабатывал.

Он прикрепил камеру. Фиксатор щелкнул, встав на место. Лёха включил её, достал смартфон, проверил изображение. Лес, тропа, вдалеке — фургон, похожий на черную коробку. Картинка четкая, без помех.

— Дима, первую видишь? — сказал он в рацию.

Из динамика донесся голос Димы — с легкими помехами, с шипением, похожим на шелест дождя.

— Ви да но картинка дер

— Плохая связь? — переспросил Лёха. — Я сейчас вторую поставлю.

Он прошел еще метров пятьдесят. Лес стал гуще. Старые ели сменили сосны — их лапы свисали до земли, образуя зеленые шатры, под которыми царил полумрак. Лёха выбрал второе дерево — огромную ель с толстым стволом, покрытым лишайником. Прикрепил камеру. Проверил сигнал. На смартфоне изображение дергалось, рассыпалось на квадраты, как старый телевизор с плохой антенной.

— Дима, у тебя какой уровень сигнала? — спросил Лёха в рацию.

Ответ пришел не сразу. Голос Димы пробивался сквозь шипение, сквозь треск, сквозь какие-то низкие звуки, которых не должно было быть в радиоканале.

— дцать процентов. Лёх, возвр йся. Потом на мес установим.

Лёха убрал смартфон, забрал обе камеры. Он развернулся

и быстро пошел обратно к фургону. Камера на груди дергалась в такт шагам — лес, небо, лес, небо, тропа. На заднем плане, за деревьями, мелькнуло что-то серое. Доля секунды. Если промотать запись, можно было заметить — смутный силуэт, слишком низкий для человека, слишком крупный для зверя. Лёха не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Он просто шел быстрее.

Лёха залез в фургон, захлопнул за собой дверь. Сел на свое место — между стеллажом с батареями и стеной, где было чуть больше воздуха, чем в остальных отсеках. Лиза обернулась к нему с переднего сиденья. В ее взгляде, скрытом за толстыми стеклами очков, читался вопрос.

— Что-то не так? — спросила она.

Лёха отмахнулся — жест, который должен был означать «всё в порядке, не выдумывай». Но вышел он слишком резким, слишком быстрым.

— Связь хреновая, — сказал он. — Лес глушит. На месте нормально настроим, там дома — можно повторители поставить на чердаках.

Он открыл ноутбук, начал просматривать записи с камер, которые только что установил. Две камеры. Два угла. Лес, тропа, фургон. Всё спокойно. Егор заглянул в экран. Его палец ткнул в левый нижний угол кадра.

— Ты это видел?

Лёха перемотал на несколько секунд назад. Кадр: он поворачивается, начинает идти обратно к фургону. В левом углу, между стволами елей, что-то движется. Серая фигура. Низко. Слишком низко для человека. Слишком плавно для зверя, который обычно движется рывками.

— Косуля, — сказал Лёха. Спокойно. Даже равнодушно. — Или лось. Там их много.

— У косули нет таких пропорций, — ответил Егор. Голос его был тихим, почти шепотом, но в этом шепоте слышалась уверенность. — Слишком длинные — он запнулся, подбирая слово. — Конечности. И слишком низкая грудная клетка.

Лёха резко закрыл ноутбук.

— Егор, не выдумывай, — сказал он, и в голосе его прозвучала сталь, которой он не показывал при команде. — В лесу куча всего. Нам работать надо, а не паранойю разводить.

Он отвернулся к окну. Фургон тронулся — Дима нажал на газ, и лес снова поплыл за стеклом. Камера на груди Лёхи всё еще работала. Зритель видел его отражение в стекле — лицо напряженное, губы сжаты в тонкую линию, глаза смотрят куда-то внутрь, не на лес, не на дорогу — на что-то, что он сам не мог бы объяснить.

Кучепалда встретила их запахом сырой древесины и тишиной.

Фургон остановился перед двухэтажным деревянным домом. Когда-то он был добротным — рубленые стены, резные наличники, крыша из темного шифера. Теперь дом выглядел так, будто его пытались забыть. Крыша покосилась, в одном месте провалилась внутрь. Окна — черные провалы без стекол. Крыльцо прогнило, и Дима, когда вышел из фургона, обошел его стороной, не доверяя доскам.

Команда выгрузилась. Лёха вылез последним, окинул деревню взглядом. Около десятка домов, разбросанных вдоль единственной улицы. Некоторые стояли прямо, некоторые накренились, как пьяные. В конце улицы — черный провал колодца. Дальше — лес. Лес был везде.

Лёха взял инициативу в свои руки. Он умел командовать, когда речь шла о камерах и связи.

— Схема такая, — сказал он четко, быстро, как на инструктаже. — Я и Лиза ставим стационарки по периметру. Дима, ты с Дэном разбираете снаряжение внутри. Егор — поднимай дрона, сделай облет. Мне нужно знать, где ставить камеры на подходах.

Они разошлись. Лёха и Лиза обошли дом по периметру, выбирая точки для камер. Лёха показывал рукой, Лиза запи-

сывала в планшет.

— Здесь — на угол сарая, чтобы перекрывала вход. Здесь — на столб, сектор на лес. Здесь — на дерево, чтобы видела дорогу, по которой мы приехали. И здесь — камера на соседний дом. Если кто-то там будет, мы увидим.

Лиза подняла глаза от планшета. В ее голосе звучала неуверенность — та самая неуверенность, которая у Лизы всегда означала, что она видит проблему, но не хочет озвучивать её первой.

— Лёх, а ты не думаешь, что мы переборщили? Двадцать четыре камеры на одну деревню

Лёха не дал ей договорить.

— Переборщил — это когда что-то пропустил, — сказал он. — Мы ничего не пропустим.

Он взял камеру в зубы — алюминиевый корпус, который не удержишь одной рукой, когда лезешь на дерево — и полез на сосну. Сучья были скользкими от мха, но Лёха карабкался уверенно, привычно. На высоте трех метров он прикрепил камеру, направил её на дорогу. Спустился, проверил сигнал на смартфоне. Картинка была четкой — лес, дорога, их фургон, как на ладони. Лёха довольно кивнул. Первая часть работы сделана.

Внутри дома было темно. Лёха сидел на полу — един-

ственном месте, которое не скрипело под ногами — и подключал центральный блок управления. Ноутбук с монитором, на который выведены все камеры. Два десятка окон, каждое — свой угол деревни. Лес. Пустые дома. Дорога. Их фургон. Небо, начинающее темнеть. Всё спокойно.

Лёха закончил подключение, проверил каждый канал. Все двадцать четыре камеры работали. Запись шла на два независимых носителя — внешний SSD, приклеенный скотчем к корпусу ноутбука, и в облако. Облако должно было подключиться через спутниковый терминал, но терминал Лёха решил настраивать завтра — сейчас уже темнело, а в темноте настраивать спутниковую антенну было себе дороже. Он потянулся, хотел выключить камеру на груди — эфир закончен, можно расслабиться — но замер. Его взгляд приковало к одному из окон на мониторе. Камера 7. Та, что на соседнем доме, на втором этаже, направленная на разбитое окно. В окне было отражение. Лёха смотрел на него три секунды, не дыша. Отражение не соответствовало реальности. В нем был их фургон — но под другим углом, чем в реальности. И возле фургона — фигура. Длинная. Сгорбленная. Стоящая на четвереньках. Лёха перевел взгляд на, которое виднелось из их дома. Там было пусто. Только черные провалы, только рваные края стекол, только стена соседнего дома, серая и безразличная. Он снова посмотрел на монитор. Изображение на камере 7 дернулось. Покрылось помехами — белыми точками, горизонтальными полосами, как на старом телеви-

зоре. И погасло.

На экране загорелась надпись: «**Signal lost. Camera 7 offline.**»

Лёха встал. Голос его был ровным — слишком ровным, чтобы быть спокойным.

— Дима! — крикнул он. — У нас отвалилась камера на соседнем доме. Я сейчас схожу, проверю.

Он схватил налобный фонарь, включил на ходу, надел на голову и вышел за дверь. Камера на мониторе продолжала работать. Она показывала пустую улицу, пустые дома, их фургон. И Лёху, который пересекал улицу быстрым шагом, приближался к соседнему дому. Он зашел в черный прямоугольник дверного проёма. Исчез в темноте.

На экране камеры 8 — той, что была направлена на фасад соседнего дома с другого ракурса — на втором этаже, в окне, мелькнуло движение. Что-то длинное и бледное скользнуло за стеклом. Не человек. Не зверь. Что-то, у чего были неправильные пропорции — слишком длинные руки, слишком короткое туловище, слишком медленные, плавные движения. Свет в окне погас.

На экране монитора, в комнате их дома, осталась только надпись. И тишина. Лёха не вернулся через минуту. Не вернулся через пять. Дима позвал его — никто не ответил. На экране камеры 8, в окне соседнего дома, снова мелькнула тень. И погасла последняя камера, которая могла видеть этот дом.

«Signal lost. Camera 8 offline.»

Через три секунды, через пять, через десять — погасла камера 6, 9, 12. Одна за другой.

На последней работающей камере — 3, которая смотрела на дорогу, по которой они приехали — было видно, как Лёха выходит из соседнего дома. Он шел медленно. Не так, как уходил — быстрым, деловитым шагом. Теперь он двигался, как сомнамбула, как человек, который не контролирует свое тело. Голова опущена. Руки висят вдоль тела. Фонарь на лбу погас. Он дошел до фургона. Открыл дверь. Залез внутрь. Камера 3 погасла последней.

Текст поверх черного экрана:

«Запись с камер 7, 8, 6, 9, 12 и 3 не подлежит восстановлению. Файлы повреждены. Причина: неизвестна.»

«Лёха не помнит, что произошло в соседнем доме. Он утверждает, что зашел, осмотрел пустые комнаты, проверил камеру — она была на месте, но без сигнала. Он снял её, вернулся в базу. Всё остальное — монтаж, помехи, глюки техники.»

«Егор не согласен.»

Глава 3. База

Четыре часа дня, и солнце уже низкое. Оно висело над лесом — тяжелое, оранжевое, какое бывает только осенью или перед большим дождем. Лучи скользили по верхушкам сосен, почти горизонтальные, и разбивались о кроны, рассыпаясь на тысячи рыжих игл. Тени от домов ложились поперек дороги — длинные, черные, похожие на полосы, на барьеры, на предупреждение.

Лиза смотрела на эту дорогу через объектив камеры, закрепленной на груди. Камера была её глазами — точнее, теми глазами, которые увидят всё потом, при монтаже, при покрупном просмотре. Сейчас она просто фиксировала. Без эмоций. Без комментариев. Просто — свет, тени, гравий под колесами, лес, который расступается. Фургон въехал в **Кучепалдув** 16:03. Лиза запомнила время, потому что посмотрела на часы — автоматически, рефлекторно. Операторская привычка: всегда знать, когда начался кадр.

Дорога из гравия перешла в разбитую грунтовку, поросшую травой. Трава была высокой — по пояс, сухая, желтоватая. Она шуршала о днище фургона. Слева и справа лес отступил, уступив место домам.

Двадцать семь домов. Лиза насчитала их позже, когда просматривала запись. Двадцать семь деревянных коробок, рас-

ставленных вдоль единственной улицы. Двадцать семь пустых глазниц. И ни одного целого окна.

— Мы въехали в **Кучепалдув** четыре часа дня, — скажет Лиза потом в закадровом голосе, уже при монтаже. Она будет сидеть в своей московской квартире, в наушниках, перед большим монитором, и ее голос будет спокойным — слишком спокойным для человека, который видел то, что видела она. — Солнце висело низко, и тени от домов ложились поперек дороги, как полосы. Первое, что я заметила — тишина. Не просто отсутствие звуков. Абсолютная. Даже двигатель фургона казался приглушенным, как будто воздух здесь был плотнее.

Она не скажет про другое. Про то, как у нее зашевелились волосы на затылке, когда фургон пересек невидимую границу. Про то, как захотелось сказать Диме: «Разворачивайся. Поехали обратно». И про то, как она промолчала.

Камера медленно скользила по улице. Лиза поворачивала голову — плавно, профессионально, без рывков, — и объектив выхватывал детали. Дома. Деревянные, одно- и двухэтажные, с резными наличниками, которые когда-то красили в белый и голубой. Теперь краска облупилась, обнажив серую, пористую древесину. Крыши покосились, некоторые провалились внутрь. Между домами — бурьян в человеческий рост, лопухи с листьями величиной с зонты, крапива, которая стеной стояла вдоль заборов.

— Двадцать семь домов, — скажет Лиза в закадровом

голосе. — Двадцать семь пустых коробок. Ни одной целой крыши. Ни одного уцелевшего окна. И ни одного следа того, что здесь кто-то жил в последние двадцать лет.

Фургон замедлился. Дима выключил музыку. В салоне стало тихо. Тишина была такой плотной, что Лиза слышала, как бьется ее сердце. И, наверное, не только ее.

— Ну что, команда, — сказал Дима. Голос его звучал напряженно, хотя он пытался сохранить бодрость. — Добро пожаловать в нигде.

— Уютненько, — сказал Даниил с заднего сиденья. Насмешливо, но в его насмешке не было обычной уверенности. — Как в морге.

Лёха молчал. Сидел у окна, смотрел на проплывающие дома, и пальцы его барабанили по колену — быстро, нервно, в ритме, которого не было в музыке.

Егор сидел с ноутбуком, но не работал. Просто смотрел в экран — на карту, которая больше не показывала дорог.

— Почему дома стоят? — сказал он тихо, почти шепотом. — Обычно такие деревни разбирают. Доски, кирпич А здесь всё целое. Как будто никто не хотел даже подходить.

Лиза ничего не сказала. Она снимала. Камера фиксировала покосившийся забор с обвисшей колючей проволокой. Детскую коляску во дворе — ржавую, заросшую лопухами, стоящую посреди бурьяна, как памятник тому, кого здесь больше нет. Ржавую вывеску магазина — белую с красным, с буквами, которые еще можно было прочитать: «ПРОДУК-

Ты». Дверь магазина была снята с петель, и внутри зияла чернота.

— Останови здесь, — сказала Лиза Диме. Голос ее был ровным, деловым. — Я хочу снять вывеску.

Дима остановил фургон. Лиза вышла, сделала несколько шагов, поймала кадр. Вывеска, закатное солнце, длинная тень от столба. Хороший кадр. Страшный. Она это чувствовала, но не могла объяснить почему. Она вернулась в фургон, и они поехали дальше, к центру деревни, где дома стояли плотнее, где улица расширялась в небольшую площадь, и где посреди площади рос огромный старый дуб.

Дима остановил фургон на площади, заглушил двигатель. В тишине стало слышно, как потрескивает остывающее железо.

— Нам нужен дом с целой крышей и желательно с печкой, — сказал Дима, вылезая из-за руля. — Ночью будет холодно.

Они разошлись. Лёха и Даниил пошли влево, к двухэтажному зданию с красной крышей. Егор остался у фургона, поднял дрон, начал облет. Лиза пошла с Димой направо, к домам, которые выглядели крепче.

Дом 1 был ближайшим к площади. Одноэтажный, с верандой, с резными ставнями, которые когда-то закрывали окна. Теперь ставни висели на одной петле, и за ними чернели

провалы. Дима толкнул дверь — она поддалась с протяжным скрипом, от которого Лизе захотелось заткнуть уши. Внутри пахло гнилью. Не просто сыростью — гнилью. Чем-то органическим, разлагающимся, что когда-то было живым. Полы прогнили, и Дима, ступив на доску, провалился по колено.

— Не подходит, — сказал он, выдергивая ногу. — Идем дальше.

Дом 2 стоял в глубине двора, заросшего бурьяном. Двухэтажный, с балконом на втором этаже, с дубовой дверью, которая выглядела крепче, чем весь остальной дом. Дима открыл дверь — петли не скрипнули, дверь двигалась бесшумно, будто ее только что смазали. Внутри было темно. Лиза включила налобный фонарь, и луч выхватил стены. Стены были в царапинах. Она подошла ближе, провела рукой. Царапины шли от пола до потолка — глубокие борозды, в которых мог поместиться палец. Древесина была расщеплена, как будто кто-то сдирал кору гигантскими когтями. Даниил вошел следом, осветил фонариком.

— Это не люди, — сказал он. Голос его потерял насмешливую нотку. — И не медведи. Когти слишком длинные.

Он провел рукой по одной из царапин — от пола до уровня своей головы, не привставая на цыпочки.

— Коготь, который оставил это, был длиной сантиметров пятнадцать. Минимум.

Лёха вошел последним. Посмотрел на царапины. Молчал. Потом отвернулся и сказал:

— Дом не подходит. Сквозняк.

Он вышел. Лиза посмотрела на Диму. Дима пожал плечами — дескать, что с него взять — и они вышли следом.

Дом 3 нашли в конце улицы, почти у леса. Двухэтажный, с крепкой крышей из темного шифера, с печной трубой, которая выглядела целой. Окна на первом этаже сохранились частично — три целых стекла из шести, остальные заколочены досками. Входная дверь была дубовой, тяжелой, с коваными петлями. Дима толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Заперто, — сказал он с удивлением.

Даниил подошел, уперся плечом. Дверь скрипнула, но не открылась.

— Не взломаем, — сказал Лёха.

Дима обошел дом, нашел окно с разбитым стеклом. Протиснулся внутрь, открыл дверь изнутри.

— Заходите, — сказал он. — Здесь база.

Внутри было сухо. Пахло пылью и старой древесиной. Полы скрипели, но не проваливались. В большой комнате стояла печь-голландка — массивная, облицованная белым кафелем, с чугунной дверцей, на которой был отлит двуглавый орел.

— Лёха, проверь подвал, — сказал Дима.

Лёха нашел дверь в полу — тяжелый деревянный люк с металлической ручкой. Поднял. Оттуда пахло холодом и землей. Он включил налобный фонарь, спустился вниз. Шаги его застучали по деревянной лестнице, потом по земля-

ному полу. Через минуту он вернулся.

— Сухо, — сказал он. — Пол земляной. Две комнаты внизу, одна заперта. Дверь старая, но крепкая. Я пока не ломал.

— И не надо, — сказал Дима. — Потом разберемся. Лиза, твой выход — ставь периметр.

Лиза кивнула. Голос ее был спокойным, деловым — голосом человека, который знает, что делать.

— Поняла, — сказала она. — Работаем по плану.

Она встала в центре большой комнаты, развернула планшет, на котором была схема дома — нарисованная от руки, но аккуратная, с размерами и пометками. Лиза не доверяла памяти. Она доверяла только тому, что записано.

— Лёха, начнем с внутреннего периметра, — сказала она. Голос звучал четко, быстро, без запинок. — Входная группа: камера над дверью снаружи и камера внутри, чтобы видеть, кто входит. Угловые камеры на первом этаже: кухня, зал, комната направо. На втором этаже — каждая комната. Лестничный пролет — две камеры, верх и низ.

Лёха уже работал. Он доставал камеры из кейса. Руки его двигались быстро, почти беззвучно — щелчок, скрип пластика, тихий писк включения.

— Принял, — сказал он. — Питание от внешних аккумуляторов?

— Да, — ответила Лиза. — В подвале поставим центральный блок. Там же дублирующая запись.

Она пошла по комнатам, проверяя каждый угол. Камера на ее груди фиксировала всё — старые обои с выцветшими цветами, которые помнили чьи-то взгляды. Стол на кухне, накрытый клеенкой — клеенка была в красный горошек, выцветшая, потрескавшаяся, и на ней стояла пустая банка. Банка была стеклянной, с этикеткой, на которой еще можно было прочесть: «Тушенка. Говядина. ГОСТ». Кто-то оставил её здесь двадцать лет назад. Может, тот, кто уходил в спешке. Может, тот, кто не вернулся.

В углу большой комнаты, на стене, висела икона. Лиза остановилась, посмотрела на нее. Икона была старой, в темном окладе, с выцветшими красками. Лицо на иконе было соскоблено — кто-то специально снял верхний слой краски, оставив только темный силуэт, только абрис, только пустоту там, где должны быть глаза, нос, губы.

— Лёха, сюда камеру, — сказала Лиза. Голос ее был спокоен, но она почувствовала, как по спине пробежал холодок. — На эту стену. Хочу видеть этот угол.

Лёха подошел, посмотрел на икону. Крепил камеру, не торопясь, разворачивая объектив точно на соскобленное лицо.

— Странно, — сказал он. — Зачем соскребать лик?

— Не знаю, — ответила Лиза. — Может, местные. Или те, кто был здесь до нас.

Она не добавила «или те, кто здесь остался». Не потому,

что не подумала. А потому, что не хотела произносить это вслух.

Она вышла на улицу. Солнце уже коснулось верхушек сосен, и тени стали длиннее, чернее. Воздух похолодел, и в нем появился запах — сырой земли, прелых листьев, чего-то еще, чего Лиза не могла определить.

Она обошла дом по кругу, диктуя Лёхе и Даниилу точки установки. Голос ее звучал уверенно, но камера — та, что на груди — фиксировала, как она постоянно оглядывалась на лес. Каждые несколько секунд. Автоматически. Как будто что-то заставляло её проверять, не изменилась ли черная стена деревьев.

— Периметр делим на четыре сектора, — сказала она. — Северный — лес за домом. Южный — дорога, по которой мы приехали. Западный — соседние дома. Восточный — пустырь и старый колодец.

Она подошла к дереву на северной стороне. Сосна — старая, толстая, с корой, покрытой лишайником. Лиза подняла голову, оценивая высоту.

— Лёха, сюда. Высота — четыре метра. Камера должна видеть лес на сто метров вглубь. Угол наклона — пятнадцать градусов вниз.

Лёха взял камеру в зубы — алюминиевый корпус не удер-

жать одной рукой, когда лезешь на дерево. Суковатые лапы, скользкие от мха. Лез он уверенно, привычно, без страха. Лиза отошла на несколько шагов, смотрела на экран планшета, корректировала положение камеры голосом.

— Левее. Еще. Стоп. Хорошо. Теперь следующая — на углу сарая, сектор на соседний дом.

Она перешла к соседнему дому — тому самому, с разбитыми окнами, с балконом на втором этаже, с дверью, которая не скрипела. Лиза остановилась перед ним, подняла голову. Окна второго этажа смотрели на нее черными провалами, и в одном из них, ей показалось, что-то шевельнулось. Но она не стала всматриваться. Она отвернулась, достала камеру.

— Сюда поставим камеру с ИК-подсветкой, — сказала она. — Направляем на вход и на окна. Если кто-то зайдет в этот дом — мы увидим.

Даниил стоял рядом, засунув руки в карманы, и смотрел на окна второго этажа.

— Лиз, — сказал он негромко. — А если кто-то уже там? Лиза посмотрела на него. Потом снова на дом.

— Тогда увидим, когда он выйдет, — сказала она.

Она отвернулась и пошла дальше, к следующей точке. Камера на ее груди продолжала работать. И зрители — те, кто смотрел эфир, — могли видеть, как в окне второго этажа, пока Лиза отворачивается, мелькнуло движение. Тень. Слишком быстрая, чтобы человеческий глаз успел сфокусироваться. Но камера зафиксировала. Три кадра. Серая, длинная

фигура, скользнувшая за стеклом.

Лиза не заметила. Она уже настраивала следующую камеру.

Она вернулась к базовому дому, когда солнце уже почти село. Небо над лесом стало фиолетовым, а на востоке, там, где лес был гуще, уже зажглись первые звезды. Лиза поставила последнюю камеру — на фургон.

— Камера на фургоне — это наша страховка, — сказала она в камеру, объясняя для зрителей, для тех, кто смотрит и не понимает, зачем нужен двадцать четвертый объектив. — Она смотрит на дорогу, по которой мы приехали. Если что-то пойдет не так — мы знаем, что путь к отступлению всегда под наблюдением.

Она закрепила камеру на крыше фургона, настроила угол, проверила сигнал. Изображение было четким — дорога, уходящая в лес, столб с оборванными проводами, последний луч заката на горизонте.

Егор подошел с дроном в руках. Дрон был еще теплым после полета.

— Лиз, я поднял дрон на пятьдесят метров, — сказал он. — Сделал панораму. Хочешь посмотреть?

Лиза взяла у него планшет. На экране был снимок — деревня сверху, в лучах заходящего солнца. И на этом снимке

она увидела то, чего не заметила с земли.

Кучепалда была кругом. Дома стояли не вдоль дороги — они стояли по окружности, образуя почти правильное кольцо. В центре кольца была большая поляна, а на поляне — огромный старый дуб. От дуба к каждому дому вели тропинки — тонкие, едва заметные, но они были. Как спицы колеса. Как лучи.

— Это не обычная планировка, — сказала Лиза, вглядываясь в снимок. — Деревни строят вдоль дороги или реки. А здесь круг. Как будто дома поставили вокруг чего-то.

— Я тоже заметил, — сказал Егор. — И дорога, по которой мы приехали — это единственный въезд в круг. Все остальные выходы заросли или завалены деревьями.

Лиза смотрела на снимок, и в голове у нее что-то щелкнуло. Не страх. Не тревога. Понимание. Они не просто приехали в заброшенную деревню. Они вошли в место, которое было построено по правилам, которых она не знала.

— Значит, мы внутри круга, — сказала она наконец. Голос ее был спокоен — она заставила его быть спокойным. — Хорошо. По крайней мере, знаем, откуда выезжать.

Лиза вернула планшет Егору, но взгляд ее задержался на дубе в центре кадра. Она приблизила изображение. Под дубом было что-то темное. Не тень — тени от дуба падали в другую сторону. Не трава — трава вокруг была желтой, а это пятно было черным, глубоким, как провал.

— Егор, что это? — спросила она.

Егор посмотрел. Пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Может, старый пень. Или Он не договорил.

— Или что? — спросила Лиза.

Егор покачал головой.

— Ничего. Просто не знаю.

Лиза не стала настаивать. Она выключила планшет и пошла в дом.

Внутри было темно. Лёха уже установил центральный блок в подвале, и на мониторе, который стоял на столе в большой комнате, горели двадцать четыре окна. Двадцать четыре кадра. Лес, улица, соседние дома, фургон, внутренние комнаты. Всё пусто. Всё спокойно. Лиза села перед монитором, откинулась на спинку стула. Плечи её ныли — целый день на ногах, целый день с камерой, с планшетом, с командами. Она закрыла глаза на секунду. Только на секунду. Дима подошел, встал за её спиной.

— Как картина? — спросил он.

Лиза открыла глаза.

— Периметр замкнут, — сказала она. — Все камеры работают. Запись идет. Если что-то появится в радиусе ста метров от дома — мы это увидим за три секунды до того, как оно подойдет.

Дима улыбнулся. Хлопнул её по плечу — по-дружески, чуть сильнее, чем нужно.

— Молодец, — сказал он. — Настоящая крепость.

Он ушел в другую комнату, где Лёха уже разогревал консервы. Лиза осталась одна перед монитором. Она переключала каналы, проверяла каждый сектор. Северный — лес. Пусто. Южный — дорога. Пусто. Западный — соседние дома. Пусто. Восточный — пустырь и колодец. Пусто. Двадцать четыре кадра. Ничего.

— Я сидела перед экраном и смотрела на двадцать четыре пустых кадра, — скажет она потом в закадровом голосе. — И чувствовала себя спокойно. Впервые за этот день. Камеры видели всё. А в кадре не было ничего. Значит — ничего и нет. Так я себя убеждала.

Она откинулась на спинку стула. Закрывает глаза. Камера 7 — та, что была направлена на соседний дом, на окна второго этажа — дернулась. Изображение покрылось рябью, как старая телевизионная картинка. Рябь длилась две секунды. Потом картинка восстановилась. Лиза открыла глаза. Посмотрела на экран. Камера 7 показывала пустую комнату с разбитым окном. Всё как обычно.

Она не перемотала запись. Она не заметила, что в углу кадра, за дверным проемом, стоит что-то длинное и бледное. Что-то, что смотрит прямо на камеру. Что-то, у чего нет лица — только темный силуэт там, где должны быть глаза.

Она не заметила. Она устала. Она хотела есть и пить и

лечь спать. Она была человеком, а не камерой. А камеры — они видят всё. Даже то, что люди не хотят видеть.

Поздний вечер опустился на Кучепалду, как черное одеяло.

В большой комнате базового дома горели две газовые лампы и один налобный фонарь, который Лёха повесил на гвоздь над столом. Свет был желтым, живым, но он не мог прогнать тьму из углов. Тьма просто отступала на несколько метров — и ждала. Команда сидела вокруг стола. Консервы — тушенка, гречка, хлеб, который уже начал черстветь. Разогревали на газовой горелке, ели из одной миски, потому что мыть посуду было лень. Дима рассказывал какую-то историю про прошлые съемки, Даниил смеялся — слишком громко, слишком нарочито. Лёха проверял батареи, не глядя на еду. Егор сидел с ноутбуком в углу, листал карты, которые не показывали дорог. Лиза стояла у окна. Она смотрела на улицу. За окном была тьма — плотная, маслянистая, такая, какой не бывает в городе. В городе ночь всегда подсвечена — фонарями, окнами, рекламой. Здесь не было ничего. Только чернота. И лес, который дышал.

— Мы создали периметр, — скажет она потом в закадровом голосе. — Мы поставили камеры на каждый вход, на каждый угол, на каждую тропинку. Я верила, что если мы

видим всё — мы в безопасности. Я забыла, что камеры видят только то, что хотят видеть. А то, что не хочет попадать в кадр оно просто ждет, когда мы отвернемся.

Лес за окном стал черной стеной. Дома напротив слились с темнотой — их не было видно, только угадывались силуэты, только смутные очертания крыш на фоне чуть более светлого неба. На мониторе, который остался без присмотра, камера 11 — та, что на дереве в северном секторе, — переключилась в ночной режим. Экран стал зеленым. Лес пуст. Камера дернулась. На долю секунды — на три кадра — на экране появилась светлая фигура. Четыре конечности. Длинные. Неестественно длинные. Стоящая на четвереньках. Она двигалась. К дереву. К дому. К ним. Она исчезла быстрее, чем успела зафиксироваться. Четыре кадра. Шесть десятых секунды.

Лиза отошла от окна, села к столу. Взяла ложку, начала есть холодную гречку. Не чувствуя вкуса. На мониторе камера 11 снова показывала пустой лес.

Двадцать четыре кадра. Двадцать четыре окна. И одно за другим они начинают слегка мерцать. Синхронно. Как будто по чьей-то команде.

Мерцание длится три секунды. Потом всё замирает.

Изображение на всех камерах — идеально пустое. Лес. Дома. Дорога. Ничего.

«Периметр установлен. Все камеры функционируют в штатном режиме. Запись ведется непрерывно. Количество

зафиксированных аномалий за первые 4 часа: 0.»

Лёха написал этот отчет в 23:47. Он верил в то, что написал. Или хотел верить.

Лиза прочитала отчет в 23:48. Она ничего не сказала. Она помнила, что видела в окне соседнего дома. Но память — это не доказательство. А камеры — они не врут.

Камеры никогда не врут. Они просто показывают не всё.

Глава 4. Лес.Ночь.

В комнате горел газовый светильник. Желтый, неровный свет его отбрасывал на стены движущиеся тени — от голов, от рук, от чашек, от вилок, оставленных на столе. Консервные банки с загнутыми краями стояли в центре, как маленькие металлические цветы. Пахло тушенкой, гречкой и керосином. Было около двенадцати. Команда сидела вокруг стола, каждый в своем пространстве, каждый со своей усталостью. Лёха уже второй раз проверял заряд батарей — доставал каждую из кейса, подносил к тестеру, смотрел на показатели, убирал обратно. Егор сидел в углу с ноутбуком, листал снимки с дрона — те самые, на которых Кучепалда выглядела как круг, как колесо, как ловушка. Лиза просматривала записи с камер — двадцать четыре окна на мониторе, двадцать четыре пустых кадра.

Дима потянулся, хрустнул шейей, посмотрел на часы.

— Народ, — сказал он. Голос его звучал устало, но бодро — та самая интонация, которую он включал, когда нужно было подбодрить команду перед тяжелым рывком. — Предлагаю завтра с утра начать активную фазу. Сегодня — отбой. Всем выспаться, набраться сил.

Даниил откинулся на спинку стула, заложил руки за голо-

ву. Усмехнулся. Не насмешливо — скорее, с легким удивлением, как будто Дима сказал что-то очень наивное.

— С утра? — переспросил он. — Димас, мы не в санатории. Мы приехали за контентом. А контент, как правило, приходит ночью.

Дима посмотрел на него. Взгляд был тяжелым — не злым, но предупреждающим.

— Дэн, я понимаю твой энтузиазм, — сказал он. — Но техника требует настройки, связь

— Техника уже настроена, — перебил Даниил. Голос его был спокойным, даже ленивым, но в нем чувствовалась сталь. — Лёха сам говорил. А связь — он пожал плечами. — Её нет и не будет до утра. Я не предлагаю всей командой идти. Я один. Быстро. Тепловизор, налобник, камера на шлеме. Час туда, час обратно. Посмотрю, что там в лесу. Может, найду ту самую аномалию, о которой Егор говорил.

В комнате стало тихо. Даже Лёха перестал возиться с батареями. Лиза подняла голову от планшета. В глазах ее, скрытых за толстыми стеклами очков, мелькнуло что-то — не страх, скорее беспокойство. Беспокойство человека, который привык всё просчитывать и не любил, когда что-то идет не по плану.

— Дэн, — сказала она. Голос ее был ровным, но в нем слышалось напряжение. — На камерах периметра ничего нет. Лес чистый. Может, не стоит.

Даниил встал. Улыбнулся — широко, по-мальчишески,

той улыбкой, которая всегда действовала на зрителей. Но сейчас в ней не было азарта. Было что-то другое. Желание доказать. Себе. Им. Что он не боится. Что он — тот самый, который полезет туда, куда другие не полезут.

— Лиз, — сказал он, уже идя к выходу, снимая с вешалки тактическую куртку. — Твои камеры видят только то, что подходит к дому. А лес большой. И если там что-то есть — я хочу увидеть это первым. До того, как оно решит навестить нас.

Он надел куртку, застегнул молнию. Дима смотрел на него, колеблясь. Перевел взгляд на Лёху — тот сидел с батареей в руке, не двигаясь, и лицо его было непроницаемым. Потом на Лизу — она опустила глаза в планшет, но не работала, просто смотрела в одну точку.

— Дэн — сказал Дима наконец. Голос его был тихим, почти просящим. — Будь на связи. Каждые десять минут выходи на рацию. Если что-то пойдет не так — возвращайся сразу. Без геройства.

Даниил надел шлем. Закрепил камеру на креплении — щелчок, писк, красный глазок записи. Взял тепловизор.

— Без геройства — это скучно, — сказал он. — Но ладно, договорились. Десять минут.

Он открыл дверь. В лицо ему пахнуло холодом и сыростью — ночной лес дышал, и дыхание его было влажным, тяжелым, с запахом прелых листьев и чего-то еще, чего Даниил не мог определить. Он шагнул в темноту. В последнем

кадре — перед тем как дверь закрылась — его лицо было азартным. Почти веселым. Человек, который идет навстречу приключению. Который не знает, что приключение уже идет навстречу ему.

Камера на шлеме включилась автоматически. Красный огонек замигал. Зритель теперь видел всё его глазами.

Ночь была чистой. Луна висела высоко — почти полная, холодная, с резкими краями, как будто кто-то вырезал ее из жести. Свет ее был серебристым, но деревья отбрасывали густые, черные тени — такие плотные, что в них можно было спрятать целый дом.

Даниил шел быстро. Уверенно. Шаги его гулко стучали по сухой траве — трава здесь была жесткой, колючей, она не шелестела, а хрустела, как сломанные кости. Он не оглядывался. Он вообще редко оглядывался — привычка человека, который всегда смотрит только вперед.

— Итак, запись для истории, — сказал он в камеру. Шепотом, но с улыбкой, которую можно было услышать даже в голосе. — Даниил Ковалев, позывной «Дэн», покидает базу в 23:15. Цель — разведка северного лесного массива. Температура воздуха плюс восемь. Влажность высокая. Ветра нет. Идеальная ночь для

Он сделал паузу. Улыбка стала шире.

— чего-нибудь страшного.

Он засмеялся. Тихий, горловой смех, который должен был показать зрителям, что он ничего не боится. Но смех оборвался, когда он пересек границу деревни.

Граница была невидимой — просто кончились дома, и начались деревья. Но Даниил почувствовал ее. Воздух стал другим — тяжелее, плотнее, как будто лес выдыхал, а ему приходилось вдыхать этот выдох. И звуки изменились. Шаги больше не гулко отдавались от стен — они утонули в мхе, в опавшей листве, в мягкой земле, которая, казалось, поглощала всё.

Налобный фонарь выхватывал из темноты стволы деревьев. Валежник, покрытый лишайником, похожим на седую бороду. Тропа, которую он выбрал, едва угадывалась — узкая колея, заросшая травой, теряющаяся между корнями.

Камера на шлеме фиксировала тоннель. Стволы проплывали мимо, как столбы, как частокол, как решетка, за которой — ничего.

— База, я на связи, — сказал Даниил в рацию. Голос его был тихим, но четким. — Вошел в лес по северной тропе. Видимость метров пятнадцать. Тепловизор пока чистый.

Из динамика сквозь помехи раздался голос Димы.

— Принял, Дэн. Следующий сеанс через десять минут.

Даниил остановился. Поднял тепловизор. Мир стал зеленым и черным. Деревья — холодные, почти черные силуэты, теряющиеся на фоне чуть более светлого неба. Земля — чуть

теплее, серая, с редкими желтыми пятнами — там, где камни или корни сохраняли дневное тепло. Никаких тепловых сигнатур.

— Тепловизор показывает пустоту, — сказал он в камеру. Голос его потерял игривость. — Ни мышей, ни птиц. Вообще ничего живого. Странно. Обычно в лесу ночью куча всего движется.

Он пошел дальше. Тропа начала петлять — то уходила вправо, к оврагу, поросшему папоротником, то влево, к старым пням, покрытым мхом. Даниил шел по следу, который оставил кто-то до него — не человек, но и не зверь. Трава была примята, но не сломана. Ветки согнуты, но не перекушены.

Он не думал об этом. Он просто шел.

Он вышел на поляну через десять минут — или через двадцать? Время в лесу текло иначе. Здесь, под пологом деревьев, минуты растягивались, как резина, а потом сжимались в секунды.

Поляна была небольшой — метров двадцать в диаметре, окруженная плотной стеной елей. Небо над ней было открытым, и луна заливала траву холодным, мертвенным светом. Трава была примята чем-то тяжелым, что двигалось по земле, волоча тело, оставляя широкую, неправильной формы

полосу.

Даниил остановился на краю. Опустился на корточки — медленно, стараясь не шуметь. Направил налобный фонарь на землю.

— База, — сказал он в рацию. Голос его изменился — стал сосредоточенным, деловым, без следа прежней игривости. — У меня тут кое-что интересное. На поляне — следы. Большие. Очень большие.

Он поднес тепловизор к земле. Навел на примятую траву. Зеленый мир засветился оранжевым. Трава на поляне была теплее, чем окружающий фон — намного теплее, как будто что-то лежало здесь совсем недавно и оставило свое тепло, как отпечаток пальца. Следы светились слабым, пульсирующим оранжевым — тепло еще не рассеялось, не ушло в холодную землю.

— Следы теплые, — сказал Даниил. — Кто-то был здесь не больше часа назад. Может, два.

Из рации донесся голос Димы — напряженный, с помехами, но разборчивый.

— Какие следы? На кого похожи?

Даниил всматривался. Водил налобником, пытаясь понять, что он видит. Отпечатки были странными — не круглыми, как у медведя, не раздвоенными, как у лося. Они были длинными, узкими, с пятью отпечатками — не пальцев, фаланг. Слишком длинных фаланг, похожих на человеческие пальцы, но в два раза длиннее, без ногтей, без подушечек.

— Не похожи ни на что, — сказал он наконец. — Это не медведь — у медведя лапа широкая, когти видны. Не лось — копыта оставляют другой отпечаток. Здесь — он замолчал, подбирая слова. — Здесь как будто кто-то шел на четвереньках. Но отпечатки слишком длинные. Кисть руки? Или лапа? Я не могу понять.

Он достал телефон — экран ярко вспыхнул в темноте, и Даниил зажмурился на секунду, привыкая. Сфотографировал следы. Три кадра. Вспышка вырвала из темноты траву, землю, странные отпечатки, похожие на отпечатки рук, но рук с пальцами в два раза длиннее человеческих.

— Пять пальцев, — сказал он в камеру, рассматривая снимок. — Слишком длинные.

Он выпрямился. Голос его стал тише.

— Следы уходят вглубь леса. В ту сторону. — Он показал рукой, туда, где поляна сужалась в тропу, уходящую в черноту. — Я пойду по ним. Еще немного.

Он шагнул на поляну. Трава хрустела под ногами. Он шел по теплым следам, и каждый шаг казался ему громче, чем должен был быть.

Лес стал гуще. Ели сменили сосны — их лапы свисали до земли, образуя зеленые шатры, под которыми царил полумрак. Даниил шел медленнее, чем раньше. Налобный фо-

нарь дрожал в такт шагам, выхватывая из темноты то корень, выступающий из земли, то старый пенёк, покрытый рыжим мхом, то чей-то череп — маленький, птичий, с пустыми глазами.

Тепловизор он держал в левой руке, постоянно поднимая к лицу. Мир в нем был пуст — холодные деревья, холодная земля, холодное небо. Но на границе дальности, на пределе чувствительности, появлялись пятна. Теплые. Слабые. Они не двигались. Исчезали. Появлялись снова. Как дыхание. Как пульс.

— База, я на связи, — сказал Даниил в рацию. Шепотом, почти беззвучно. — Тепловизор начинает показывать что-то на границе дальности. Не могу идентифицировать. Может, технический сбой.

Из рации донесся голос Димы — но он был далеким, искаженным, как будто Дима говорил через несколько слоев ваты.

— Дэн плохо слышно повтори

Даниил нажал кнопку передачи сильнее, почти вдавил ее в корпус.

— Я говорю — тепловизор показывает аномалии на трехстах метрах. Статичные. Исчезают и появляются.

В ответ — шипение. Треск. И голос Димы, прорывающийся сквозь помехи:

— эн возвращайся не нравится мне это

А потом — длинный, пронзительный свист. Тот самый

свист, который бывает, когда рация ловит чужую частоту или когда кто-то давит передатчик. Свист длился три секунды. Потом рация замолчала. Даниил постучал по корпусу. Потряс. Нажал кнопку вызова.

— База? Дима? Прием!

Тишина. Только треск статического электричества — сухой, как шорох листьев под ногами.

— База? — повторил он. Громче. Почти криком.

Ничего.

Он опустил рацию, посмотрел на нее. Зеленая лампочка горела — питание было, но сигнала не было. Как будто лес выключил связь. Как будто кто-то нажал кнопку «отбой».

— Связь пропала, — сказал он в камеру. Голос его дрогнул — впервые за весь вечер. — Или лес глушит, или — он замолчал. Не договорил. — Ладно. Я быстро. Еще метров сто, и обратно.

Он ускорил шаг. Следы становились свежее — трава была примята так, будто кто-то полз здесь минуту назад. Ветки на кустах еще не успели выпрямиться. И жуткая вонь. Вонь напоминающая тухлое мясо.

Он шел быстрее. Почти бежал. И не понимал — зачем? Почему он не поворачивает назад? Почему он идет на запах, на следы, на аномалии, которые тепловизор показывает на границе видимости? Потому что он — Дэн. Потому что он не умеет отступать. Потому что если там что-то есть — он должен это увидеть. Увидеть первым. И тогда все эти ночные

страхи, все эти разговоры про Рэйка, про исчезновения, про «оттуда вышли не все» — всё это станет реальностью. Кон-
тентом. Историей. Он выбежал на вырубку и остановился.

Вырубка была старой. Деревья здесь спилили лет двадцать
назад — может, тридцать — и они не выросли снова. Только
пни, покрытые мхом, и молодая поросль — тонкие, кривые
березки, похожие на пальцы, тянущиеся к небу. В центре вы-
рубки стоял старый пень — огромный, в полтора человече-
ских роста в диаметре, с расщепленной вершиной, похожей
на раскрытую пасть. Луна висела прямо над вырубкой, и свет
ее был серебряным, резким, безжалостным. Каждая травин-
ка отбрасывала черную, четкую тень.

Даниил остановился на краю. Дышал тяжело. Поднял теп-
ловизор. Поляна холодная, черная. Пень — чуть теплее, се-
рый, с оранжевыми прожилками — там, где внутри еще тле-
ло тепло, сохраненное толщиной древесины.

Он медленно повел тепловизором из стороны в сторону.
Левая сторона — пусто. Правая — пусто. Центр — пень, пу-
сто. И вдруг — на противоположном краю вырубки, у самой
кромки леса, там, где березки росли особенно густо — теп-
ловая сигнатура. Даниил замер. Он видел её. Яркую, оран-
жево-красную, пульсирующую, как сердцебиение. И форма
её была неправильной — нечеловеческой, незвериной, ни на

что не похожей. Четыре конечности. Туловище. Голова. Но пропорции — неправильные. Конечности слишком длинные — в два раза длиннее, чем должны быть у существа такого размера. Туловище слишком узкое — как будто его сдавили с боков, сплющили, высушили. Голова посажена низко — почти на одном уровне с плечами, так что шеи почти не видно.

Сигнатура стояла на четвереньках. Но стояла неестественно высоко — колени и локти выгнуты так, что тело поднято над землей на метр, хотя конечности согнуты. Как паук. Как насекомое. Как что-то, что не должно ходить на четырех конечностях, потому что конечности эти не предназначены для ходьбы.

— Что — прошептал Даниил. — это

Он попытался сфокусировать тепловизор. Нажать кнопку зума. Пальцы не слушались — дрожали, скользили по гладкому пластику корпуса. Сигнатура дернулась. Резко. Судорожно. Как будто её ударило током. Тепловое пятно изменило форму. Конечности вытянулись еще больше — стали длиннее, тоньше, острее. Голова повернулась. Даниил видел это по тепловой сигнатуре, по тому, как оранжевое пятно на месте лица сместилось, вытянулось, заострилось. Теперь сигнатура смотрела прямо на него. Даниил опустил тепловизор. Посмотрел на поляну обычным зрением. Поляна была пуста. Только пень, трава, луна, и тени, которые медленно ползли по земле, как черные лужи. Он снова поднял тепло-

визор. Сигнатуры не было. Исчезла. Как будто её никогда не существовало. Как будто он выдумал её.

— Эй! — крикнул Даниил. Громко, почти в истерике. — Эй!

Никакого ответа. Только эхо, короткое, сухое, похожее на хлопок, и тишина. Тишина, в которой можно было услышать, как бьется его сердце. Слишком быстро и громко. Он сделал шаг на поляну. Второй. Третий. Камера на шлеме фиксировала его руку — она дрожала. Мелкая, нервная дрожь, которую нельзя было скрыть.

— Я видел, — сказал он в камеру. Голос его срывался, ломался, как у подростка. — Я видел это. Тепловизор показал. Оно было там. Стояло на четвереньках. Смотрело на меня. А потом — исчезло.

Он снова поднял тепловизор. Быстро вращался вокруг своей оси — проверял каждый угол, каждый сектор, каждую тень. Ничего. Пустота. Только холодные деревья, холодная земля, холодное небо.

Он побежал. Не скрываясь, не стараясь ступать тихо. Ветки хлестали по лицу, по шлему, по камере, и налобный фонарь скакал, создавая безумную мешанину теней: стволы, кусты, земля, небо, всё смешалось в один серо-зеленый водоворот.

— Я возвращаюсь на базу, — говорил он в камеру, тяжело дыша, спотыкаясь на корнях, вскрикивая, когда ботинок проваливался в яму. — Связи нет. Тепловизор больше ничего не показывает. Но я знаю, что видел. Я

Он споткнулся о корень — толстый, узловатый, похожий на змею, застывшую поперек тропы. Упал на колени. Камера зафиксировала землю, листья, хвою, мелкие ветки. И его руки, вцепившиеся в траву, пальцы, сжимающие сухую, колючую землю. Дэн поднял голову. В трех метрах от него, между двумя соснами, стояла фигура. Не на тепловизоре. Живым зрением.

Даниил замер. Перестал дышать. Сердце его — которое только что колотилось, как бешеное — вдруг пропустило удар. И второй. И третий. Он смотрел на фигуру, и мозг его отказывался обрабатывать то, что видели глаза. Фигура стояла на четвереньках. Руки и ноги были неестественно длинными. Каждая конечность, казалось, была длиннее всего тела. Суставы вывернуты, локти смотрели наружу, колени внутрь, как у сломанной куклы, которую пытались собрать неправильно. Кожа была бледной, серой, безволосой, с мелкими складками, похожими на рубцы.

Голова была повернута к нему под неестественным углом. Шея вывернута почти на сто восемьдесят градусов, так что лицо (если это можно было назвать лицом) смотрело прямо на него, хотя тело стояло боком. Лица не было. Вернее, оно было, но какое? Два темных пятна там, где должны быть гла-

за. Тонкая, едва заметная щель там, где должен быть рот. Ни носа, ни бровей, ни скул. Только гладкая, серая кожа, натянутая на череп неправильной формы. Фигура не двигалась. Просто смотрела.

Даниил смотрел в ответ. Не мог отвести взгляд. Глаза его сейчас отказывались верить. Он сделал резкое движение — попытался поднять тепловизор. Фигура исчезла. Как будто её и не было. Ни звука, ни ветра, ни хруста. Пустое место между соснами. Только папоротник и тень. Даниил вскочил. Заорал.

— Оно здесь! — кричал он, бежал, спотыкался, снова бежал. — Оно было прямо передо мной! Я видел его! Своими глазами! Это не тепловая аномалия! Это это

Он не мог договорить. Он просто бежал. Не разбирая дороги, не глядя под ноги, не чувствуя, как ветки хлещут по лицу, как кровь течет по щеке из глубокой царапины. Он бежал к свету. К желтому, живому свету газовой лампы в окне базового дома. К людям. К голосам. К реальности, в которой не было существ с вывернутыми суставами и пустыми глазами.

Он влетел в дом. Дверь с грохотом ударилась о стену. Команда вскочила. Кто со стула, кто с места, кто с пола, где сидел Лёха с батареями. Дима резко подскочил к нему, схватил

за плечи.

— Дэн! Что случилось? Мы тебя потеряли, связь.

Даниил стоял посреди комнаты, согнувшись, упершись руками в колени, тяжело дыша. Куртка его была порвана. Длинный разрез от плеча до локтя, как будто кто-то провел когтем. На лице царапины, одна глубокая, из нее сочилась кровь, смешиваясь с потом. Он снял шлем, поставил тепловизор на стол, чуть не уронил.

— Я видел его, — сказал он. Голос был хриплым, сорванным. То ли от крика, то ли от страха. — В лесу. Сначала на тепловизоре, сигнатура, неестественная, на четвереньках. Потом своими глазами. Метрах в трех от меня. Оно стояло и смотрело.

Лиза побледнела. Села обратно на стул, медленно, как будто ноги отказывались держать.

— Как оно выглядело? — спросила она. Голос ее был тихим, почти шепотом.

Даниил посмотрел на нее. Потом на Диму. Потом на Лёху, который уже подошел к столу и взял тепловизор в руки.

— Длинное, — сказал он. — Бледное. Суставы вывернуты. Оно — он запнулся, сглотнул. — Оно не двигалось. Просто смотрело. А потом исчезло. Как будто его не было.

Лёха поднял тепловизор, посмотрел на Даниила.

— Ты записал? — спросил он. Голос его был ровным, деловым, но пальцы, державшие тепловизор, слегка дрожали. — Камера на шлеме — она работала?

Даниил кивнул.

— Должна была. Всё время работала.

Лёха подошел к ноутбуку, подключил камеру. Команда собралась вокруг экрана. Тесно, плечом к плечу. Лёха открыл папку с записями. Последний файл за пятнадцать минут до возвращения.

Он нажал воспроизведение. На экране лес. Даниил бежит, камера дергается, ветки, земля, небо. Дыхание тяжелое, прерывистое. Потом он спотыкается, падает. Камера смотрит в землю. Листья, хвоя, его руки. Он поднимает голову. На экране пустота. Деревья, тени. Никакой фигуры. Только сосны, между которыми куст и длинная, черная тень. Лёха перемотал назад. Замедлил. Кадр за кадром.

— Ты сказал оно стояло в трех метрах, — сказал он, показывая на экран. — Вот здесь?

— Да. Прямо здесь. Между этими двумя соснами.

На экране сосны. Между ними куст и тень. Ничего больше. Лиза сказала тихо, почти беззвучно:

— Дэн, на записи ничего нет.

Даниил смотрел на экран. Потом на Лизу. Потом на Диму. Глаза его были широко раскрыты. В них читалось непонимание, смешанное с ужасом.

— Я знаю, что видел, — сказал он. Голос его стал тихим, почти детским. — Я стоял в трех метрах от этого. Оно смотрело на меня. Оно

Он замолчал. Сел на стул тяжело, как мешок с песком. За-

крыл лицо руками. Плечи его вздрагивали, но он не плакал. Дима подошел, положил руку ему на плечо.

— Дэн, мы верим тебе, — сказал он. Голос его был мягким, но в нем слышалась фальшь человека, который хочет верить, но не может. — Но на записи действительно ничего нет. Может, галлюцинация? Темнота, стресс, усталость.

Даниил резко поднял голову. Глаза его горели.

— Это не галлюцинация, — сказал он. Чеканно, по слогам. — Тепловизор показал сигнатуру до того, как я увидел его. Техника не галлюцинирует. Лёха, проверь тепловизор. Там должны быть данные.

Лёха уже подключал тепловизор к ноутбуку. Открыл лог термальных снимков. На экране зеленая сетка координат, шкала температур, временные метки. И файл. Последний. С пометкой «неопознанная сигнатура». Лёха открыл его.

На экране тепловая съемка. Даниил идет по лесу. Камера тепловизора фиксирует деревья, землю, небо. Поляна. И на краю яркое, оранжево-красное пятно.

Лёха остановил кадр. Увеличил.

— Вот, — сказал он. — Тепловая сигнатура. Неопознанная. Длилась три секунды. Потом исчезла.

Дима наклонился к экрану, всматриваясь.

— Что это? Форма не человеческая. Но и не животное. Размеры —

Лёха увеличил еще. Сигнатура распалась на пиксели, но форму можно было разглядеть. Четыре конечности. Тулови-

ще. Голова. Пропорции неправильные.

— Размеры: длина тела около двух метров в сложенном состоянии, — сказал Лёха. Голос его был ровным, почти механическим как у человека, который читает техническую документацию, чтобы не сорваться. — Конечности, еще полтора метра каждая. Температура тела тридцать два градуса. Ниже человеческой, выше окружающей среды.

В комнате стало тихо. Так тихо, что было слышно, как за окном далеко в лесу ветер поднял сухие листья и понес их по улице. Шелест, похожий на шепот.

Даниил сказал тихо:

— Я говорил. Я говорил, что видел.

Лиза смотрела на экран, потом на окно, за которым чернел лес. В глазах ее за толстыми стеклами очков появилось то выражение, которое Даниил видел у нее только раз. Когда она поняла, что они забыли запасные карты памяти на прошлой съемке, в двухстах километрах от дома.

— Оно было здесь, — сказала она. — В трех метрах от него. А потом исчезло. И на камере Дэна пустота. Оно не хочет, чтобы его снимали? Или — она замолчала, подбирая слова. — Или оно умеет скрываться от камер?

Лёха закрыл ноутбук.

— Или оно просто проверяло, как мы реагируем, — сказал он. — Смотрело, что мы делаем, когда видим его.

Дима подошел к окну. Встал, заложив руки за спину, и смотрел на черную стену леса, отделяющую их от всего

остального мира.

— Оно знает, что мы здесь, — сказал он. Голос его был пустым, без интонаций. — Оно знало, что Дэн пойдет в лес. Оно ждало его.

Он повернулся к команде. Та самая улыбка, димовская, наглая и уверенная — исчезла с его лица. Осталась только маска. Усталая, испуганная, человеческая.

— Сегодня никто никуда не ходит, — сказал он. — Выставляем усиленное наблюдение. Лёха, проверь все камеры. Лиза, смотри в оба. Егор, дрон на зарядку, с утра поднимешь. Дэн отдыхай.

Он подошел к Даниилу, сел рядом, положил руку на плечо.

— Ты молодец, — сказал он тихо. — Ты принес доказательство. Теперь мы знаем, что оно существует. Теперь мы можем готовиться.

Даниил поднял голову. В глазах его благодарность. И страх. Страх, который он не мог скрыть.

— Оно смотрело на меня, Дима, — сказал он. — Оно смотрело прямо на меня. И в его глазах там ничего не было. Пустота. Абсолютная пустота.

На экране монитора, том самом, на который были выведены двадцать четыре камеры периметра, всё было спокойно. Лес. Дома. Дорога. Ничего.

Камера 11, что на дереве в северном секторе переключилась в ночной режим. Экран стал зеленым. Лес пуст. На долю

секунды на один кадр, который мог заметить только тот, кто просматривал запись покадрово на границе видимости, между стволами деревьев, появились две маленькие точки. Светящиеся зеленым в ИК-режиме. Глаза. Они смотрели прямо на камеру. Следующий кадр пустота. И через три секунды — камера 11 отключилась. Как и камера 7. И 8. И 12. Одна за другой. На мониторе осталось только черное поле с надписями: «Signal lost». Дима посмотрел на экран, потом на Лёху.

— Периметр нарушен, — сказал Лёха. Голос его был ровным, но пальцы, сжимавшие мышку, побелели. — Оно глушит камеры.

Дима молчал. Смотрел на черные квадраты, на пустоту, на тьму за окном.

— Оно не глушит, — сказал он наконец. — Оно показыв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.